

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ КАК ФАКТОР ЕДИНСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: К ПРОБЛЕМЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

А. В. Глухова, Д. В. Сосунов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 июля 2019 г.

Аннотация: в статье рассматривается проблема формирования внутриполитической повестки дня как ключевого фактора, призванного обеспечить единство современной России. Авторы уточняют содержание научного дискурса политической повестки, ее морфологию, предлагают оригинальную оптику рассмотрения российской внутриполитической повестки в трех измерениях: как правительственную (официальную), гражданскую (оппозиционную) и общественную («народную») повестки. Их конвертация в единую общенациональную стратегию способна обеспечить единство и политическую консолидацию России.

Ключевые слова: внутриполитическая повестка; Россия; дискурс; общенациональное единство (консенсус); правительственная, гражданская и общественная повестки; конвертация повесток.

Abstract: the article considers the problem of forming the domestic political agenda as a key factor of Russian unity. The authors clarify the discourse of the political agenda, its morphology, offer the original optics of considering the Russian domestic political agenda in three dimensions: as a government (official), civil (opposition) and public ("popular") agenda. Their conversion into a single national strategy is capable of ensuring the unity and political consolidation of Russia.

Key words: domestic political agenda; Russia; discourse; national unity (consensus); government, civil and public agendas; conversion of agenda.

Актуальность проблемы повестки дня в современном политическом дискурсе

Условием стабильности современного государства, подвергающегося воздействию многочисленных внутренних и внешних вызовов, все больше становится его внутреннее единство, обусловленное солидарно понимаемыми целями и задачами его граждан. Вопреки распространенной в России преимущественно территориальной трактовке единства государства и общества (т. е. нерушимости государственных границ) гораздо больший смысл и значение приобретает единство социального и ментального смыслового поля, обеспечиваемого осознанием общих задач и целей, разделяемыми гражданами ценностными ориентирами и схожим видением (картиной) мира, согласием (хотя бы относительным) по поводу приоритетов и уверенностью в наличии в обществе элементов солидарности. Наличие подобных общих ценностей и целей может служить гарантией наличия базового (ценностного) консенсуса и

общественной консолидации вокруг основных принципов, ценностей и целей. Отсутствие подобного согласия чревато процессами внутренней конфронтации, ростом конфликтного потенциала и возникновением кумулятивного эффекта экспонентно нарастающих вызовов прерогативам управления.

Проблемы возникновения базового консенсуса в стабильных и переходных обществах неоднократно привлекали внимание исследователей, становились объектом их научных разработок (Дж. Сартори, М. Хеттих, В. Меркель и др.). Однако гораздо меньшее внимание до сих пор уделялось роли повестки дня в формировании базовых оснований общественного согласия и солидарности. Между тем именно формулируемые в ней кратко- и долгосрочные цели и ценности в значительной степени определяют глубину и масштабы общественной консолидации. Достаточно сказать, что конъюнктурные формулировки общих задач и целей, диктуемые сиюминутными интересами или геополитическими устремлениями правящей элиты, способны выполнить задачу общественного сплочения лишь в ограниченном временном интервале (например, в формате «крымского консенсуса»). Более того, ослабление или исчезновение прежних идейных и ценностных оснований для

* Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 19-011-31293 «Внутриполитическая повестка дня как фактор единства современной России».

© Глухова А. В., Сосунов Д. В., 2019

общественной консолидации нередко оборачивается тотальным разочарованием масс, отчуждением от политики и полной делегитимацией властных элит и институтов. Отсюда последние остро заинтересованы в сохранении контроля над повесткой, в особенности если последнюю пытается перехватить оппозиционная политическая сила, приобретающая массовую популярность и поддержку.

В общественно-политическом сообществе сложилось солидарное мнение о том, что Россия сегодня имеет очень сложную повестку с большим набором проблем. В Послании Президента В. Путина Федеральному Собранию РФ 2019 г. названы некоторые из них, однако мобилизационного призыва, т. е. вовлечения политических партий, организаций или движений в их решение, не прозвучало. Что касается общественных структур, то они – в силу целого ряда причин – не перехватывают лидерство в дискурсе повестки, ограничиваясь всего лишь критикой президентского Послания, но не предлагая серьезной альтернативы. Между тем в обществе заметно ощущается рост недовольства сложившимся положением вещей и формирование запроса на перемены во всех сферах общественной жизни. В таких условиях потеря властными структурами лидерства в определении повестки дня либо подмена актуальных проблем второстепенными чревата ростом социально-политической напряженности, рисками дестабилизации и стратегическими потерями не только для внутривнутриполитического развития страны, но и во внешнеполитическом плане. Отсюда разработка солидарной внутривнутриполитической повестки, включающей процедуры и форматы вовлечения в нее конкретного гражданина, институтов и структур гражданского общества, представляется одной из самых насущных проблем современной России.

Анализ современного состояния исследования проблемы

Создание и разработка теории повестки дня является заслугой родоначальников коммуникативного подхода к анализу политики: У. Липпмана («Общественное мнение», 1922 г.), П. Лазерфельда и Б. Берельсона («Выбор народа», 1948 г.), Дж. Клаппера («Воздействие массовой коммуникации», 1960 г.). В последующие годы внимание ученых было сфокусировано на анализе факторов влияния СМИ на общественно-политические процессы. С появлением работ М. Маккоумза и Д. Шоу [1] эти идеи стали рассматриваться в рамках более широкого научного подхода – «установления повестки дня» (agenda-setting). Ученые пытались выяснить механизм формирования повестки дня, степень осведомленности граждан о проблемах общества, изменение установок на основе полученной информации и реализации этих уста-

новок в поведении. Немецкий ученый В. Айхорн исследовал процессы установления политической повестки и структурирования актуальных тем на индивидуальном и общественном уровнях [2]. Проблемы повестки возникают в рамках анализа стратегических направлений политики, например, политики полной занятости как ключевого вопроса повестки-2020; процедурных аспектов установления повестки в немецком Бундестаге и роли вето-игроков и т. д. [3; 4].

На сегодняшний день можно с уверенностью говорить о *междисциплинарном подходе* к анализу обозначенной темы. В частности, исследователи медиапространства акцентируют внимание на возможностях СМИ влиять на значимость выбранных тем общественной повестки дня. Существуют научные работы, анализирующие технологические аспекты влияния различных субъектов информационного поля и средств массовой коммуникации на формирование массового сознания [5–8].

В рамках коммуникативного подхода исследования повестки дня достаточно динамично развивается теория фрейминга [9; 10]. Анализ медиафреймов представляет особый интерес для социологической науки, так как он позволяет понять скрытые механизмы социального влияния СМИ. В этой связи стоит указать таких авторов, как В. С. Вахштайн, В. В. Василькова и А. А. Чангян, А. А. Казаков, Двора Яноу и Мерлин ван Хульст [11–15].

Вместе с тем представители самых различных научных школ чаще всего указывают именно на политическую природу феномена повестки дня. Так, согласно бихевиористскому подходу, установление политической повестки видится как взаимодействие и соперничество групп, заинтересованных в обладании ресурсами власти [16; 17]. В структурно-функциональном подходе повестка дня изучается как совокупность субъективных позиций, разделяемых различными субъектами политики [18; 19]. Однако необходимо учитывать, что повестка является важным инструментом для формирования новых стандартов поведения, идеалов и «правил игры» в политической системе общества. В частности, как указывает Е. Б. Шестопал, повестка дня связывается с теми идеями, целями и ценностями, которые власть, прежде всего исполнительная, кладет в основу своей текущей политики. Иногда под повесткой дня понимаются «скрытые мотивы, лежащие в основе проводимой политики» [20, с. 8].

Данный подход рассматривает повестку дня с точки зрения политической психологии и создает основу для глубинного исследования проблем восприятия населением основных политических лейтмотивов государственного курса. Вместе с тем в таком определении повестки не зафиксирована ее объектив-

ная природа, а именно то, что она порождена реальными проблемами, беспокоящими людей. Не случайно в процессе разработки концепта установления повестки дня на Западе был применен метод классификации проблем на навязчивые и ненавязчивые и сделан вывод о том, что публичная повестка есть результат достраивания и коррекции медиаповестки на основе непосредственного опыта членов аудитории (т. е. граждан) [21]. Выяснилось, что система приоритетов аудитории, которая получила название «публичной повестки дня», никогда полностью не совпадает с медиаповесткой: существуют проблемы, которые люди считают важными вне зависимости от того, освещаются они средствами массовой информации или нет [22]. В дальнейшем исследователи перешли от изучения *эффектов установления* повестки дня к изучению *процессов установления* повестки дня, т. е. к анализу средств массовой информации как социального института. Оказалось, что медиаповестка складывается в процессе рутинного функционирования СМИ под влиянием, во-первых, их собственных организационных форм и оперативных правил; во-вторых, на основе взаимодействия с субъектами влияния, которые стремятся построить свою деятельность в соответствии с форматом СМИ. По мнению Е. Дьяковой, «повестка возникает на пересечении усилий различных средств массовой информации, государства, других социальных и политических институтов и групп влияния и при этом подвержена влиянию неконтролируемых событий и внезапных кризисов» [23, с. 8]. В их числе – различные форс-мажорные обстоятельства в общественно-политической жизни, техногенные катастрофы или протестные акции, способные распространяться с высокой скоростью. Подобные темы в таких ситуациях становятся ключевыми для политических акторов, официальных СМИ и аудитории интернет-пространства. Не случайно сегодня под установлением повестки дня понимается «процесс постоянной конкуренции между теми, кто заинтересован в тех или иных темах, за внимание средств массовой информации, аудитории и политических элит» [24, р. 6]. Как показывает мировой и российский опыт, установление повестки дня является одной из самых эффективных технологий массовой политической коммуникации, несмотря на все сложности, связанные с построением и удержанием нужной повестки.

В западной политической науке сегодня активно развивается *теория владения повесткой дня* (issue ownership) [25–28]. В соответствии с данным концептом политические партии и отдельные лидеры воспринимаются гражданами как наиболее эффективные акторы, своевременно и открыто диагностирующие актуальные проблемы, предлагающие эффективные способы их решений и вследствие этого получающие

поддержку избирателей. *Контроль над повесткой дня или владение повесткой* предполагает интеллектуальное доминирование в публичном политическом поле, умение продвигать собственное видение решения тех или иных проблем, мобилизовать граждан в поддержку таких решений. Политический процесс в рамках такого подхода представляет собой своеобразное *состязание повесток*, исходом которого становится выверенный и поддерживаемый значимым большинством населения политический курс. В силу открытого характера состязания идей, мнений, подходов и концептов, включающего неизбежное сближение противоречивых позиций, сглаживание противоречий благодаря использованию компромиссов, формируется *общенациональная политическая воля общества*, выступающая главным условием общественной консолидации и устойчивого развития. В свою очередь, достижение общенационального консенсуса по базовым принципам и политическим ценностям невозможно вне диалоговой культуры, уважения по отношению к политическому сопернику, рациональной стратегии поведения. В случае отсутствия таких условий борьба за контроль над повесткой дня превращается в малопривлекательную (с этической точки зрения), но зачастую эффективную политическую технологию, направленную на дискредитацию политического противника, вытеснение его за рамки политического поля. Однако политическая победа над противником не решает проблемы формирования содержательной и востребованной обществом повестки дня: такая повестка может появиться лишь как результат взаимной ответственности власти, политической оппозиции, СМИ, влиятельных экономических групп и т. д.

Владение повесткой дня играет значительную роль в избирательных кампаниях и стимулирует кандидатов, с одной стороны, создавать новые политические идеи и стратегии, а с другой стороны, очень внимательно следить за риторикой конкурентов и «перехватывать» интересные предложения и политические инновации с целью привлечения на свою сторону потенциальных избирателей. Интересно, что эффект владения повесткой может иметь разные последствия для власти и для оппозиции. Так, например, оппозиция получает дополнительные бонусы от внимания СМИ к ассоциируемым с нею вопросам, но при этом не теряет поддержку вследствие активного обсуждения проблем, которыми владеет правящая партия. А правящие партии теряют «политические очки», когда в общественном дискурсе поднимаются вопросы, которые активно продвигает оппозиция. Борьбу за контроль над повесткой дня, за доминирование в дискурсе поднимаемых проблем имеет смысл рассматривать в рамках конфликтологического подхода к политике [29–31].

В России теоретический концепт владения повесткой дня в последнее время получает все более широкое распространение: отечественные ученые обращают внимание на различные аспекты формирования политической повестки дня [32–35]. Некоторые политологи рассматривают повестку в контексте процесса принятия политических решений, указывая на важность процедуры подготовки и обсуждения актуальных вопросов, подлежащих включению в повестку дня. В этой связи стоит отметить работы А. А. Дегтярева [36–38] и А. И. Соловьева [39–44]. Отдельного внимания заслуживает усиливающееся влияние форумной и сетевой демократии на формирование политической повестки дня и принятие политических решений.

Наиболее теоретически фундированным является подход к рассмотрению феномена политической повестки дня А. И. Соловьева. Внимание заслуживает его позиция, различающая *правительственную и общественную повестки* как компоненты коллективного выбора при принятии государственных решений. Формирование *итоговой политической повестки* является ключевой фазой взаимодействия государства и общества. Оно осуществляется в результате сочетания (конкуренции) позиций лиц, выступающих от лица государства, с интересами граждан, общественным мнением и другими формами артикуляции общественных потребностей. Выработка такой повестки, отражающей пересечение насущных и долгосрочных целей и замыслов управляющих и управляемых, решает двуединую задачу. Это и показатель поиска коллективных решений, и важнейшая технологическая стадия разработки государственной политики в целом. По мнению А. И. Соловьева, к числу факторов, определяющих вероятность включения или невключения в повестку дня той или иной проблемы, относятся контекст, тип политической системы и правящего режима, соотношение сил институциональных и сетевых агентов, а также уровень массового сознания и настроений чиновников и политиков, контролирующих структур власти. «В зависимости от набора этих условий мнение общества может превратиться в постоянного участника определения государственных интересов, а может лишь изредка “всплывать” в политическом дискурсе (причем даже провоцируя к себе внимание властей, оставаться при этом на обочине принимаемых решений)» [39, с. 34].

Отсюда можно заключить, что выработка повестки в рамках управленческого подхода предстает как процесс постоянной конкуренции, соперничества различных акторов, целью которых является утверждение (либо упрочение) собственных позиций, занимаемых в политической игре. Общее благо, декларируемое сторонами этого соперничества, чаще

всего остается не столько реальным результатом, сколько нормативным предписанием.

В политической науке существует несколько научных направлений, стремящихся раскрыть содержание многообразных процессов артикуляции и агрегирования общегосударственных и корпоративных интересов, формирующих некий коллективный выбор. В рамках плюралистического подхода исследуется столкновение интересов различных групп и, соответственно, перечень первоочередных проблем, подлежащих разрешению. Системный и структурно-функциональный подходы ориентированы на изучение процедурных аспектов продвижения общественных запросов и требований в политическую систему и соответствующую реакцию государственных органов. При этом в обоих случаях в первостепенном внимании исследователя нуждается деятельность различного рода посредников (медиаторов, политических брокеров), формулирующих интересы групповых акторов и стремящихся донести их до центров принятия решений. Особое значение обретают те аспекты коллективного выбора, «которые отражают взаимодействие формальных (институциональных) и неформальных (прежде всего, аттестующих активность сетевых ассоциаций правящего класса) игроков и присущих им технологий взаимодействия, – считает А. И. Соловьев. – Сложность такого анализа в значительной степени сопряжена с проблемами идентификации неявно выраженных интересов (осложненных их информационно-символической защитой в публичном дискурсе)» [там же, с. 35].

Правительственная (институциональная) повестка

Исходя из того, что формирование политической повестки предполагает согласование позиций государства (точнее, политического режима) и общества (прежде всего, его активных гражданских структур) относительно беспокоящих и перспективных проблем, следует иметь в виду различный характер отношений, складывающихся между ними: от партнерства до конкуренции и даже конфронтации. При этом контрагенты этого взаимодействия находятся в зависимости друг от друга и в то же время в состоянии конкуренции за распределение реальных ресурсов и статусов на различных аренах взаимодействия: в отраслях, на территориях, в обществе в целом. Силы, представляющие государство, весьма разнообразны: это различные отраслевые, ведомственные, территориальные и прочие структуры государственной бюрократии. Общество – в лице бизнес-корпораций, некоммерческих организаций, неправительственных организаций, НПО, всевозможных ассоциаций и т. д. – еще более разнородно и противоречиво в артикуляции своих интересов. Однако продвижение

той или иной проблемы в политическую повестку дня всегда сопряжено с интересами определенных социальных групп, которые должны стать будущими выгодоприобретателями (бенефициариями) принимаемых решений. Очевидно, что простых деклараций об участии общества в управлении государством совершенно недостаточно: степень и характер этого участия определяются соотношением сил бюрократии и гражданских игроков, наличием у них умений использования тех политико-административных технологий, которые способны обеспечить им достижение собственных замыслов [там же, с. 36].

А. И. Соловьев обращает внимание на неравнозначные возможности и шансы сторон. Представители государства формируют так называемую институциональную повестку, выстраивая собственный взгляд на имеющиеся в обществе проблемы. Эта повестка подкрепляется официальными статусами органов власти и выражается в различных документах: законопроектах, государственных концепциях и доктринах, публичных выступлениях лидеров и руководителей и т. д. В этом ряду особое место занимает повестка, зависящая от лидера, его Я-концепции, а также позиций лиц, входящих в его ближнее окружение и представляющих лидеру необходимую служебную информацию. Ее целью является минимизация возникновения политических конфликтов, нейтрализация кризисов легитимности и корректировка давления государственных акторов на итоговую повестку. Очередность и оперативность в решении тех или иных общественно значимых проблем также в немалой степени определяется пониманием и личным отношением к ним лидера.

Приоритеты государственной бюрократии также зависят от интересов, возможностей и бюджетных ограничений ее представителей. Приоритет в решении тех или иных проблем определяется давлением на правительство ресурсно обеспеченных игроков. Еще более весомой является роль латентных сетевых коалиций правящего класса, стремящихся к контролю государственных институтов и процесса принятия решений. «Говоря обобщенно, сетевые коалиции правящей элиты и их неформальные коммуникации в сфере власти создают ту пресловутую “политическую машину”, которая играет заглавную роль в управлении государством и в распределении общественных ресурсов» [там же, с. 38]. У власти имеются широкие возможности манипулировать общественным мнением, используя его противоречивость и неоднородность, концентрировать внимание на наиболее приемлемых позициях, высказываемых от имени общества. В случае возникновения опасной для власти протестной мобилизации она имеет возможность формировать комплиментарные оценки своей деятельности при помощи аффилированных СМИ.

Набор возможностей, используемых властями для контроля над содержанием публичной дискуссии, исключительно широк. Политики и чиновники, сетевые коалиции правящего класса могут использовать подконтрольные СМИ, а также аффилированные гражданские, партийные и прочие структуры. В дискурсивное пространство вбрасываются необходимые сюжеты и распространяются нужные оценки, интерпретируемые как поддержка официальной позиции. Такими способами достигается цель противодействовать общественному мнению посредством «обнуления» наиболее болезненных для власти вопросов, инициированных гражданами. Последние располагают крайне ограниченными возможностями для оказания влияния на параметры принимаемых государственных решений. Помимо прочего, нередко происходит так называемый «перехват общественной повестки», ее фактическая приватизация, при помощи которой власти стремятся разрушить формирующуюся вокруг беспокоящей проблемы мобилизованную группу граждан, прибегая в том числе и к откровенно популистским приемам и практикам. Противостоят столь мощным информационно-коммуникативным, финансовым и прочим властным ресурсам чрезвычайно сложно, особенно в рамках авторитарной политической системы, стремящейся нейтрализовать любую автономную политическую активность и граждан, и публичных акторов.

Таким образом, публичная институциональная повестка выступает не только как постановка правительством задач, нередко весьма далеких от его реального плана действий и скрытых целей. Ее можно рассматривать и как «инструмент решения иных проблем – актуализации механизмов обратной связи, символического давления на общественное мнение, информирования о своих намерениях третьих сторон (других правительств), мониторинга настроений граждан, умиротворения протеста и т. д.» [45, с. 57]. Будучи существенным показателем как настроений общества, так и внимания правящей элиты к запросам населения, «управленческая повестка выступает мощным политическим фактором, влияющим на гражданскую активность и дальнейший характер использования институтов государственного управления, – отмечает А. И. Соловьев. – По сути, сочетание гражданских и политических повесток – это первая стадия формирования договорных по своей природе государственных целей, т. е. той конфигурации параметров, которые оформляют целевые устремления правительства» [там же].

Общественная повестка: технологии и механизмы образования и продвижения

Правительственной (управленческой) повестке противостоит *повестка общественная*, представля-

ющая собой совокупность позиций различных гражданских фигур и структур. Эти позиции, как правило, слабо агрегированы, а представляющие их акторы обладают неравнозначными возможностями своей публичной презентации. Претендовать на выражение общественного мнения в целом они не могут в силу значительной диверсификации общественных интересов и позиций. Вместе с тем главной задачей общественной повестки является как раз презентация общественного мнения по наиболее беспокоящим вопросам и их публичное обсуждение, результатом которого должно стать их включение в итоговую повестку как компонент фактического целеполагания.

Функциональная слабость общественной повестки признается многими авторами, обращающими внимание на многочисленные причины такого положения дел. По мнению А. И. Соловьева, общественное мнение не способно включиться в осуществление целого ряда функций государственного управления, связанных с поддержанием взаимосвязей гражданских структур с органами власти, осуществлением политических целей, оценкой ресурсов и рисков, соотносением экономических и этических параметров оценки государственного управления. Ввиду того, что рядовые граждане видят только часть проблемы, не могут сохранять внимание к ней на протяжении длительного времени, а тем более отслеживать весь цикл принятия решений, они выступают слабым контрагентом власти в этом вопросе.

С этим утверждением трудно не согласиться, но следует признать также, что населению необходимо знание различных подходов к решению беспокоящей проблемы, чему власти, как правило, активно препятствуют. Кроме того, в процессе работы над повесткой различные общественные структуры, предлагающие свои альтернативы или оппонирующие власти, располагают далеко не одинаковыми ресурсами, хотя последние могут изменяться под воздействием множества факторов (скажем, моральный и информационный ресурсы при определенных обстоятельствах могут перевесить административные или финансовые ресурсы). Отсюда ключевым вопросом для формирования, продвижения и включения общественной повестки в целеполагающую деятельность институтов государственного управления становится проблема акторов и их ресурсного обеспечения.

Формирование общественной повестки фактически начинается с возникновения общественной реакции на различного рода проблемы и носит во многом спонтанный характер. Это может быть угроза безопасности, обострение социальных проблем (безработица, падение доходов населения); разрастание частного вопроса (например, экологического бедствия) до федеральных масштабов и т. д. В ответ на это различные общественные группы презентуют собствен-

ные позиции, прибегая к электоральным или партийным дискурсам, деятельности посредников и прямым обращениям к чиновникам. Однако в настоящее время наряду с традиционными механизмами формирования общественной повестки огромную роль играют интернет-ресурсы и новые социальные медиа, порождающие гибридные формы выражения гражданских позиций (краудсорсинговые платформы и т. д.), обладающие мгновенной реакцией на позиции властей, наличием значительного исследовательско-разведывательного потенциала сетевых аналитиков и т. д. [46; 47]. И чем сильнее роль такого рода структур, тем большая компетентностная готовность и оперативность требуется от лиц, принимающих решения, тем сильнее влияние общественного мнения на центры государственного управления.

Продвижение общественной повестки можно считать еще более сложным и ответственным этапом в этом процессе, предполагающим соревновательность и конкуренцию с различными задачами, выдвигаемыми не только государственной администрацией, но и масс-медиа, бизнес-сообществом, международными структурами и мировым общественным мнением. Наиболее отчетливыми комплексами позиций, противостоящими здесь общественной повестке, выступают правительственная (институциональная) повестка, повестка лидера и медийная повестка. Несмотря на то что в этом соревновании проблемы рассматриваются с разных социально-политических ракурсов, что рационализирует их диагностику, главной линией напряжения остается дихотомия «государство – общество».

Результатом становится *итоговая повестка*, содержащая в себе в снятом виде наиболее острые противоречия общественного развития, нуждающиеся в срочном реагировании. Однако чаще всего на этой стадии складывается так называемая *напряженная повестка*, включающая как спонтанные, так и сознательно конструируемые властями вопросы. Органы власти и управления имеют возможность «пресекать» общественные интерпретации проблем, «перехватывать повестку», отодвигать общественное мнение на обочину публичного дискурса. «Использование информационных технологий, закрепляющих приоритет позиций властей, нередко превращает результаты дискурса в *срежессированную* повестку, поддерживаемую контролируемым правящим режимом информационными и политическими структурами», – утверждает А. И. Соловьев [39, с. 45].

Очевидно, что для продвижения общественной повестки необходимы соответствующие акторы – политические брокеры (медиаторы), независимые масс-медиа, лидеры общественного мнения, государственно-общественные органы, обладающие институциональными возможностями позиционирования мнения

общества в публичной сфере (например, в виде запросов, парламентских расследований, слушаний и проч.). Заинтересованность в общественных позициях должны обозначить и некоторые элитарные группировки, не поддерживающие нагнетание в стране политической напряженности. Иными словами, столкновение позиций общества с непопулярными решениями, принятыми властными органами, порождает политический конфликт в публичном пространстве, разрешение которого зависит от поведенческих стратегий его участников, прежде всего от реакции власти и от масштаба общественной мобилизации [там же]. Сохранение необходимого уровня социальных эмоций и высокого тона общественной мобилизации выступает решающим фактором успеха общественной повестки, т. е. поддержания ее политико-управленческого статуса. В таком случае задача властей состоит уже не в реакции на вызовы общественности, а в построении убедительной политической коммуникации с обществом, в выстраивании такой линии аргументации и символического давления на общество, чтобы добиться консенсуса на платформе приоритета собственных позиций и интересов.

Итак, в пространстве публичного дискурса общественная повестка обладает известными шансами на то, чтобы быть услышанной и воспринятой властью предержащими. Вместе с тем вне публичного пространства и публичной общественной дискуссии существует еще и так называемая *скрытая повестка*, продвижение которой осуществляют латентные политико-административные сети, удовлетворяющие свои утилитарные потребности. Общество в стандартной ситуации обладает слабыми возможностями в плане изменения институциональных подходов. «При этом наиболее плотным, непроницаемым для общественного влияния становится процесс разработки стратегических решений, которые выстраиваются в поле квалифицированных действий правительства, экспертов и доминирования нормативного регулирования, – считает А. И. Соловьев. – И это неудивительно, ибо, как правило, у общества нет своих представителей в тех управленческих командах, которые формируют стратегические цели правительства» [там же, с. 48]. Иными словами, самым существенным риском, возникающим для общества на этой стадии, является непроходимая стена между интенсивным обменом мнениями в рамках насыщенного политического дискурса и реальным процессом принятия решений. К тому же такая дискуссия – при помощи различных формальных ограничений – зачастую становится инструментом отвлечения граждан от реального целеполагания.

Очевидно, что в этой завершающей части процесса продвижения итоговой повестки результат

определяется возможностями компромисса ключевых игроков, обладающих ресурсами и влиянием и договаривающихся о содержании целевых показателей. Договоренности возможны только между наиболее влиятельными игроками, что способствует усилению корпоративных приоритетов и ослаблению гражданских позиций. В отличие от некоторых «общественных» вопросов, эпизодически попадающих в правительственную повестку, предложения более влиятельных вето-игроков, сопровождающих свои интересы на протяжении всего процесса выработки решений, оказываются включенными уже в план практических действий. Для фактического изменения политики необходимо повторное структурирование проблемы и убеждающая коммуникация в отношении влиятельных политиков с целью пересмотреть свое отношение к ней. Эта задача возлагается на инициативные группы, сопровождающие свои позиции, а также через попадание их представителей в имплементационные сети, играющие решающую роль в реализации решений. Однако их успех также не гарантирован: появление так называемых «вопросов в повестку», т. е. возникновение неких форс-мажорных обстоятельств, побуждающих власти к пересмотру ранее сформулированных проблем, может существенно повлиять на приоритеты государственных органов, радикально изменить их и еще больше отодвинуть общественное мнение на политическую периферию.

Вместе с тем в тактическом плане общественная повестка может получить определенные шансы на успех, реагируя на проблемы, находящиеся вне контроля правительства. Самым благоприятным периодом, располагающим политиков к общественной повестке, является предвыборный период, когда представители провластных политических сил вынужденно приближаются к позициям общества, склонны замечать их и даже частично учитывать в своих решениях. После выборов, особенно успешных с точки зрения полученного результата, обещания партий или кандидатов, дававшиеся избирателям, могут пересматриваться или просто игнорироваться. Иными словами, итоговую повестку государственного управления можно рассматривать как некий эквilibриум, т. е. форму «равновесия» между различными проблемами, характеризующими различные грани «общественного блага», трактовать и воплощать которое стремятся разные по силе влияния политические игроки.

Россия-2019: тройная оптика исследования повестки

Применительно к современной России можно с уверенностью сказать, что определяющую роль в формировании внутри- и внешнеполитической повестки дня играют правительственные структуры, в

первую очередь влиятельные сети в окружении Президента В. Путина и его собственное видение приоритетов и перспектив развития страны. Исключительность этого влияния связана с особенностями сложившейся в России политической системы и вектором ее эволюции в последние два десятилетия. По мнению большинства исследователей, это уже не гибридный режим и не полудемократия, зависшая на полпути между авторитаризмом и прочными демократическими практиками, но электоральный авторитаризм, хотя и без масштабных репрессий [48–50]. Достаточно сказать, что за последние годы систематическому ослаблению были подвергнуты все более или менее самостоятельные представительские институты: парламент, политические партии, независимые СМИ, некоммерческие организации, судебная система и т. д. Даже партии так называемой системной оппозиции, представленные в парламенте страны, по факту лишились так называемой «заявительной компетенции» (М. Хеттих), т. е. возможности агрегировать наиболее острые вопросы, волнующие население, и продвигать их в политическую повестку дня вопреки сопротивлению провластного парламентского большинства.

Что же касается несистемной (т. е. не представленной в парламенте) оппозиции, то ей приходится действовать в крайне неблагоприятных условиях административно-бюрократических ограничений политической активности, уголовных преследований и моральной дискредитации в провластных электронных СМИ. Однако именно здесь в последнее время наблюдается наиболее заметная мобилизация и солидарные практики вокруг общенациональных тем, связанных с коррупцией в государственном аппарате, блокированием механизмов сменяемости власти, кризисом системы политического представительства, несоразмерным применением силы при разгоне протестных митингов и т. д. Здесь формируется *гражданская повестка*, оспаривающая у власти не только ее *содержательное наполнение*, но и саму *процедуру* ее выработки и продвижения, для чего необходимы институциональные посредники и переговорные площадки для ведения диалога и выработки компромиссов.

Вместе с тем гражданская повестка довольно долгое время не пересекалась с теми проблемными точками, которые беспокоят общество в целом, т. е. подавляющее большинство населения России. Для него долгое время первоочередными оставались не политические, а социально-экономические проблемы – падение доходов (пятый год подряд); страх потерять работу; коммерциализация медицины и образования; отсутствие перспектив на будущее, в том числе и для детей; неблагоприятная среда обитания (мусорные свалки, опасные отходы производства в индустриальных центрах) и т. д. Россияне созна-

тельно дистанцировались от политики как в силу традиционных представлений о ней как о «грязном деле», так и в силу небеспочвенных опасений за возможные притеснения или даже преследования со стороны работодателей или властных структур. Однако отсутствие внятных ориентиров со стороны власти породило в общественном сознании тревогу, беспокойство и разочарование, а вместе с тем и запрос на перемены. Социологические исследования фиксируют нарастающую в массовом сознании сопричастность ко всему происходящему в стране, готовность взять на себя ответственность за ее настоящее и будущее [51]. В массовом сознании началась переоценка ценностей, падение доверия к официальным институтам и лицам, обозначился запрос на новых политиков, способных предложить стране новые перспективы. В результате российский *case study*, на наш взгляд, необходимо исследовать сквозь призму *тройной оптики*:

1) *институциональной (правительственной) повестки*, изложенной в официальных документах, выступлениях и заявлениях Президента РФ и других официальных лиц. Как показал предварительный анализ Посланий Президента РФ Федеральному Собранию, в последних доминирует тактический прагматизм, лишенный жесткого идеологического каркаса. Отсюда популярность идеологически нейтральных, «технических» терминов оптимизации, эффективности и т. д. «Послания демонстрируют желание властвующей элиты встать над идеологической схваткой и выиграть ее. Это признак слабости, так как стремление угодить всем “сегментам электората” (социальным, этническим, конфессиональным, возрастным) оборачивается невозможностью выйти на уровень национального (гражданского) интереса всех граждан России», – отмечает В. Мартыанов [52, с. 170];

2) *гражданской повестки*, продвигаемой преимущественно несистемной оппозицией, сохраняющей (в отличие от парламентских партий) свои независимые позиции в политическом поле. Несмотря на ограниченность ресурсов, прежде всего, информационных, оппозиция сумела по ряду важных вопросов перехватить актуальную повестку у власти. В частности, она навязала свою повестку в вопросе транзита власти, заставила общественность обсуждать этот вопрос¹. Успехом увенчались солидарные протестные акции журналистского сообщества в защиту журналиста И. Голунова, которому сотрудники полиции подбросили наркотики. Вместе с тем отмены ст. 282 Уголовного кодекса РФ «О хранении и сбыте наркотиков» добиться не удалось. Протесты в июле–августе 2019 г. против отказа в регистрации оппозицион-

¹ Протестные акции «Он нам не царь!» после президентских выборов 2018 г.

ным кандидатам на сентябрьских выборах в Мосгордуму также стали борьбой за политическую повестку, причем не местную, городскую, а федеральную (возможность политического представительства). Несмотря на отказ в регистрации, проблема перехвата несистемной оппозицией политической повестки была решена. Неоправданная жестокость силовых структур в разгоне протестантов придала общеполитической повестке мощное моральное измерение, стимулируя формирование общегражданского мирного протеста против государственного насилия;

3) *общественной («народной») повестки*, отражающей запросы на решение наиболее острых проблем, волнующих большинство населения России. Эксперты обращают внимание на то, что все инфоповоды лета 2019 г.² были созданы не властью, а обществом, что отличает актуальную ситуацию от событий десятилетней давности, когда общество вело арьергардные бои. Сегодня информационная повестка смещается в сторону тех тем, которые предлагает общество, фактически завладевшее повесткой дня. «Проблемы обнажаются с пугающей скоростью, а позитивных идей режим больше почти не предлагает... Более того, режим, казавшийся прочным в своей безальтернативности, сегодня занят только охранительством; искомый “русский проект” не сформирован и заменен псевдопатриотической имитацией», – считает Л. Бызов [53, с. 61].

Между тем в ходе «Прямой линии» 2019 г. появился новый язык, «новая политура»: люди заговорили с Президентом не на языке подданных с челобитными, а на языке граждан. Отсутствие привлекательной повестки будущего приводит к тому, что граждане ментально отдаляются от власти и не хотят мириться с тем, что все лучшее для них уже в прошлом. В сознании людей возникает понимание того, что не только их, но и их детей лишили будущего. В силу этого произошла стремительная психологическая реакция – в виде отказа в доверии Президенту и Правительству – на старательно разрекламированное, но крайне болезненное и непопулярное решение о повышении пенсионного возраста. Понимание того, что угрозу существованию создает не внешний враг, а сама коррумпированная власть, приходит очень болезненно, но разочарование может стать внезапным и резким.

Сам факт «разорванности» повестки свидетельствует, на наш взгляд, *об отсутствии ментального единства российских граждан*. Разные социальные категории шлют власти разные запросы, которые она

либо не в состоянии удовлетворить, либо же не считает нужным конвертировать в некий привлекательный политический курс. Отсюда в обществе все больше нарастает ощущение общего неблагополучия как психологическая основа негативного консенсуса. Экономическая динамика остается главным фактором ухудшающихся политических настроений, однако благоприятных сценариев ее развития не предлагается.

Весьма проблематично и социальное единство России, особенно с учетом высокого децильного коэффициента в распределении доходов и сильной социальной дифференциации России по географическому признаку («четыре России») [54; 55]. Более того, в последнее время социологи все чаще фиксируют рост антимосковских настроений, вызванных как резким разрывом в уровне жизни жителей столицы и регионов, так и фактически колониальной политикой Центра, продвигающего на должности губернаторов регионов «варягов» из Москвы³ при полном игнорировании интересов местных элит и общественного мнения. Как утверждает К. Рогов, в посткрымском периоде Кремль добился беспрецедентных успехов в контроле политической жизни регионов и ограничении влияния региональных элит и способен сегодня смещать даже относительно популярных губернаторов, заменяя их новыми ставленниками, не имеющими корней и связей в местных сообществах. «Этот успех был обеспечен агрессивностью репрессивных политик в отношении элит (“хозяйственные репрессии”) и высоким уровнем лояльности населения в посткрымском периоде. Результатом же его стало не только подавление региональной фронды, но и создание условий для экспансии федеральной олигархии на региональных рынках. Однако снижение поддержки режима, проявившееся во второй половине года, немедленно обернулось ростом “регионального патриотизма” и антимосковских настроений. Если социальная депрессия и демобилизация лояльности будут носить затяжной характер, конфликтность региональной политики Кремля резко возрастет и превратится в один из центральных сюжетов внутриполитической жизни», – констатирует автор [56].

Как показывают социологические исследования, в сентябре 2018 г. в ряде регионов начинает проявляться феномен «снижения локуса контроля», т. е. в качестве настоящей, реальной власти начинают восприниматься главы регионов и местного самоуправления. «Это еще слабая, маловыразительная тенденция, но она может проявить себя в будущем, если центр в силу экономических трудностей и неэффек-

² Протесты против вырубки парка в центре Екатеринбурга; пикеты против строительства мусоросжигательного завода на станции Шиес Архангельской области; дело журналиста И. Голунова, конфликт местных жителей с цыганами в Астраханской области и т. д.

³ 60 % назначенцев 2018–2019 гг. – «варяги», т. е. чиновники, не имевшие в предшествующий период никакой связи с регионом назначения.

тивной работы «вертикали» управления начнет терять контроль над ходом событий», – полагает Л. Бызов [57, с. 63].

Ключевым механизмом конвертации повесток и, соответственно, достижения общественного согласия является коммуникация, диалог представителей политического режима и гражданских активистов по наиболее актуальным проблемам современной России. Достичь взаимопонимания в этом процессе не просто: актуальность проблем элита и общество видят по-разному. Это означает, что исчерпаны не только основания консенсуса так называемых «нулевых годов» (отказ от политической активности в обмен на рост материального благосостояния), но и «крымско-го консенсуса», ситуативно объединившего значимое большинство россиян на почве державного величия и восстановления «исторической справедливости». Снижение рейтинга доверия Президенту В. Путину, триггером которого выступило непопулярное решение о пенсионной реформе и повышении НДС, подрывает легитимность политической системы в целом, поскольку все последние годы она была связана персонально с поддержкой первого лица. Достижение процедурного консенсуса (т. е. консенсуса в правилах игры), не говоря уже о согласии в базовых ценностях (социальных онтологиях), так и осталось для России неразрешимой задачей.

Таким образом, новый консенсус является преимущественно негативным, строится на недоверии практически ко всем властным институтам, на антиэлитных настроениях и т. д. Но наметились и позитивные сдвиги в массовом сознании, включающие набор ценностей, который можно определить как социал-демократический вектор с известной поправкой на российские реалии. В его основе лежат ценности справедливости (83 %), свободы (76 %) и равенства (67 %) [там же], реализация которых достижима лишь в условиях технологического развития и хозяйственного роста. Вместе с тем позитивный консенсус может сформироваться только в процедурном поле, где главным условием становится признание общества и его активной части (гражданских активистов) равноправными партнерами власти по диалогу. «В первую очередь речь идет о возрождении статуса государства как формы организации общественной власти, – считает А. И. Соловьев. – Оно объединяет людей, различающихся по самым разным основаниям, но обладающих едиными гражданскими правами, включая и их право на фактический контроль над правящим меньшинством» [44, с. 22]. Еще важнее легитимация способов разрешения политических конфликтов исключительно мирными, ненасильственными средствами, в числе которых первостепенную роль играют честные, демократичные выборы. Эти достаточно очевидные изменения по-

требуют тем не менее глубочайшей ментальной трансформации сознания правящей элиты (прежде всего, ее силового блока), традиционно рассматривающей уступки политическим оппонентам как проявление недопустимой слабости. К сожалению, в отечественной истории крайне мало примеров благополучного выхода из подобных ситуаций. Вместе с тем от того, в какие сроки и каким образом Россия справится с этой задачей, зависит ее настоящее и будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *McCombs M.* The Agenda-Setting Function of Mass-Media / *M. McCombs, D. Shaw* // *Public Opinion Quarterly*. – 1972. – Vol. 36. – P. 176–187.
2. *Eichhorn W.* Agenda-Setting-Prozesse. Eine theoretische Analyse individueller und gesellschaftlicher Themenstrukturierung. 2 / *W. Eichhorn*. – Auflage, München, 2005 (digitale Ausgabe). – Mode of access: <http://epub.uni-muenchen.de/archive/00000734/Erstveroeffentlichung>
3. *Schneider H.* Agenda 2020 : Strategien für eine Politik der Vollbeschäftigung / *H. Schneider, K. Zimmermann*. – 2010. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/254426301_Agenda_2020_Strategien_fur_eine_Politik_der_Vollbeschäftigung/citation/download
4. *Sieberer U.* Agenda setting in the German Bundestag : A weak government in a consensus democracy / *U. Sieberer*. – Mode of access: <https://doi.org/10.1080/09644000500534972>
5. *Гарбузняк А. Ю.* Повестка дня СМИ как технология интерпретации / *А. Ю. Гарбузняк* // *Медиаскоп*. – 2015. – № 1. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1684>
6. *Дьякова Е. Г.* Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности : анализ основных теоретических подходов / *Е. Г. Дьякова, А. Д. Трахтенберг*. – Екатеринбург : УрО РАН, 1999. – 130 с.
7. *Дьякова Е. Г.* Установление повестки дня : теория и технология / *Е. Г. Дьякова, А. Д. Трахтенберг*. – Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2005. – 128 с.
8. *Фролова Т. И.* Гуманитарная повестка российских СМИ. Журналистика, человек, общество / *Т. И. Фролова*. – М. : МедиаМир, 2014. – 352 с.
9. *Батыгин Г. С.* Континуум фреймов : социологическая теория Ирвинга Гофмана / *Г. С. Батыгин* // *Гофман И.* Анализ фреймов : эссе об организации повседневного опыта : пер. с англ. / под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой ; вступ. ст. Г. С. Батыгина. – М. : Институт социологии РАН, 2003. – С. 7–57.
10. *Гофман И.* Анализ фреймов : эссе об организации повседневного опыта / *И. Гофман* ; пер. с англ. Р. Е. Бумагина, Ю. А. Данилова, А. Д. Ковалева, О. А. Оберемко ; под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. – М. : Институт социологии РАН, 2004. – 752 с.
11. *Вахштайн В. С.* «Практика» vs. «фрейм» : альтернативные проекты исследования повседневного

- мира / В. С. Вахштайн // Социологическое обозрение. – 2008. – № 7 (1). – С. 65–95.
12. Василькова В. В. Фреймирование в политической деятельности : от Майдана к Евромайдану / В. В. Василькова, А. А. Чангян // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2015. – № 3 (80). – С. 80–95.
13. Казаков А. А. Фрейминг медиа-текстов как инструмент воздействия на аудиторию : обзор распространенных трактовок / А. А. Казаков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. – 2014. – № 4, т. 14. – С. 85.
14. Казаков А. А. Атрибутивные повестки дня и фреймы «Российской газеты» и «Новой газеты» в контексте методов воздействия на аудиторию / А. А. Казаков // Медиаскоп. – 2015. – № 2. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1706#389>
15. Яноу Д. Фреймы политического : от фрейм-анализа к анализу фреймирования / Д. Яноу, М. ван Хульст // Социологическое обозрение. – 2011. – Т. 10, № 1–2. – С. 87–113.
16. Грамши А. Тюремные тетради : в 3 ч. Ч. 1 : пер. с ит. / А. Грамши. – М. : Политиздат, 1991. – 560 с.
17. Yamalnev I. M. The conceptual basis for the formation and establishment of the agenda / I. M. Yamalnev // 2nd International Conference on the political, technological, economic and social processes Held by SCIEURO in London, 17–18 July 2013. – P. 36–47.
18. Конт О. Общий обзор позитивизма / О. Конт ; под ред. Э. Л. Радлова. – 2-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011. – 296 с.
19. Bergmann J. R. Ethnomethodologische Konversationsanalyse / J. R. Bergmann // Handbuch der Dialoganalyse. – Т. : Niemeyer, 1994. – S. 1–16.
20. Шестопал Е. Б. Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами / Е. Б. Шестопал // Политические исследования. – 2011. – № 2. – С. 7–24.
21. Neuman Just & Crigler. Common Knowledge : News and the Construction of the Political Meaning / Neuman Just & Crigler. – Chicago, 1992. – 234 p.
22. Дьякова Е. Г. Общефедеральная и региональная повестки дня : проблемы взаимодействия / Е. Г. Дьякова // Политическая коммуникация в постсоветской России : проблемы формирования и парадигмы развития : материалы секции «Политическая коммуникация» Третьего всероссийского конгресса политологов, 28–29 апреля 2003 г. / под общ. ред. Л. Н. Тимофеевой, Е. В. Лобзы ; отв. за вып. Б. Т. Жигмытов. – М. : Улан-Удэ : Республиканская типография, 2003. – С. 174–179.
23. Дьякова Е. Г. Власть и массовая коммуникация (опыт теоретического моделирования) : дис. ... д-ра полит. наук / Е. Г. Дьякова. – Екатеринбург, 2003. – 368 с.
24. Dearing J. W. Agenda-Setting / J. W. Dearing, E. M. Rogers. – Thousand Oaks, 1996. – 128 p.
25. Goggin S. N. Disputed Ownership : Parties, Issues, and Traits in the Minds of Voters / S. N. Goggin, A. G. Theodoridis // Political Behavior. – 2017. – Vol. 39. – № 3. – P. 675–702. – Mode of access: <https://doi.org/10.1007/s11109-016-9375-3>
26. Lachat R. M. Issue Ownership and the Vote : The Effects of Associative and Competence Ownership on Issue Voting / R. M. Lachat // Swiss Political Science Review. – 2014. – Vol. 20. – № 4. – P. 727–740. – Mode of access: <https://doi.org/10.1111/spsr.12121>
27. Lefevere J. Measuring Issue Ownership : A Comparative Question Wording Experiment / J. Lefevere // Scandinavian Political Studies. – 2017. – Vol. 40. – № 1. – P. 120–131. – Mode of access: <https://doi.org/10.1111/1467-9477.12074>
28. Seeberg H. B. How Stable Is Political Parties' Issue Ownership? A Cross-Time, Cross-National Analysis / H. B. Seeberg // Political Studies. – 2017. – Vol. 65. – № 2. – P. 475–492. – Mode of access: <https://doi.org/10.1177/0032321716650224>.
29. Глухова А. В. Политические конфликты : основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ) / А. В. Глухова. – 2-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – 280 с.
30. Глухова А. В. Проблема социальной справедливости в политической повестке дня современной России / А. В. Глухова // Социальная справедливость в современном мире : сб. статей / Ин-т «Справедливый Мир», Рос. ассоц. полит. науки, Ин-т социологии РАН ; [редкол.: Л. И. Никовская (отв. ред.), В. Н. Шевченко, В. Н. Якимец]. – М. : Ключ-С, 2017. – С. 181–194.
31. Казун А. Д. Кому принадлежит повестка дня? Обзор теории issue ownership / А. Д. Казун // Мониторинг общественного мнения. – 2018. – № 4 (146). – С. 109–123.
32. Колесников В. Н. Актуальная повестка дня в современной России : факторы формирования / В. Н. Колесников // Управленческое консультирование. – 2017. – С. 8–17.
33. Митрохина Т. Н. Политическая повестка дня для России в официальном дискурсе власти / Т. Н. Митрохина // Модернизация и политика : традиции и перспективы России. Политическая наука : Ежегодник 2011 / Российская ассоциация политической науки ; гл. ред. А. И. Соловьев. – М. : РОССПЭН, 2011. – С. 99–115.
34. Турченко М. С. Политическая повестка дня в дискурсивных практиках В. В. Путина в период избирательных кампаний федерального уровня 2002–2012 годов / М. С. Турченко // Национальная безопасность. – 2012. – № 3 (20). – С. 114–120.
35. Сосунов Д. В. Формирование политической повестки дня современной России / Д. В. Сосунов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2018. – № 1. – С. 143–146.
36. Дегтярев А. А. Структурирование и определение общественных проблем в процессе разработки повестки публичной политики (социологические аспекты) / А. А. Дегтярев // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2018. – № 1. – С. 3–9.
37. Дегтярев А. А. Механизм принятия политических решений : опыт разработки модели / А. А. Дегтярев // Российская политическая наука : в 5 т. Т. 5 / под ред.

А. Ю. Мельвиля, А. И. Соловьева. – М. : РОССПЭН, 2008. – С. 230–250.

38. Дегтярев А. А. Принятие решений в публичной политике и государственном управлении : роли и параметры / А. А. Дегтярев // Управление государством : проблемы и тенденции развития. Политическая наука : Ежегодник 2007 / гл. ред. А. И. Соловьев. – М. : РОССПЭН, 2008. – С. 272–299.

39. Соловьев А. И. Механизм продвижения общественных интересов и общественная повестка дня / А. И. Соловьев // Гражданский сектор государственного управления / под ред. А. И. Соловьева. – М. : Аргмак Медиа, 2018. – С. 33–54.

40. Соловьев А. И. Принятие государственных решений в социальной сфере / А. И. Соловьев // Политика и управление в социальной сфере. Введение в предмет / под ред. Н. Григорьевой, А. И. Соловьева. – М. : Аргмак-Медиа, 2018. – С. 96–112.

41. Соловьев А. И. Государственное управление и публичная политика / А. И. Соловьев // Гражданский сектор государственного управления / под ред. А. И. Соловьева. – М. : Аргмак-медиа, 2018. – С. 13–33.

42. Соловьев А. И. Дискурсы и праксисы : может ли идеология помочь в управлении государством / А. И. Соловьев // Политика. – 2018. – № 1. – С. 7–29.

43. Соловьев А. И. Сообщественное управление : столкновение повесток как политический процесс / А. И. Соловьев // Сотрудничество в публичной политике и управлении / под ред. Л. В. Сморгунова. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. – С. 52–64.

44. Соловьев А. И. Политическая повестка правительства, или Зачем государству общество / А. И. Соловьев // Политические исследования. – 2019. – № 4. – С. 8–25.

45. Сотрудничество в публичной политике и управлении / под ред. Л. В. Сморгунова. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. – 274 с.

46. Мирошниченко И. В. Сетевая публичная политика и управление / И. В. Мирошниченко. – М. : Аргмак Медиа, 2016. – 296 с.

47. Фронтير сетевого общества как пространство политического взаимодействия : монография / М. Т. Гандалоева [и др.]. – Краснодар : Перспективы образования, 2017. – 272 с.

48. Карозерс Т. Трезвый взгляд на демократию / Т. Карозерс // Pro et contra. – 2005. – № 1 (28). – С. 49–68.

49. Иноземцев В. Л. Несовременная страна : Россия в мире XXI века / В. Л. Иноземцев. – М. : Альпина Паблишер. – 2019. – 404 с.

50. Глухова А. В. Новый авторитаризм в XXI веке : мировые тенденции и российский case study / А. В. Глухова // Политика и управление государством : Новые вызовы и векторы развития : сб. статей / под ред. А. И. Соловьева, Г. В. Пушкаревой. – М. : Аспект Пресс, 2019. – С. 56–75.

51. Хачатуров А. От крымского единства к брожению умов. Социолог Михаил Дмитриев – о радикальном переломе в настроениях россиян / А. Хачатуров // Новая газета. – 2019. – 9 авг. – Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/08/09/81545-ot-krymskogo-edinstva-k-brozheniyu-umov>

52. Мартьянов В. С. Идеология В. Путина : концептуализация Посланий Президента РФ / В. С. Мартьянов // ПОЛИТЭКС. – 2007. – Т. 3, № 1. – С. 147–174.

53. Бызов Л. Г. От расцвета к упадку. Ценностное измерение путинской эпохи (2000–2018) / Л. Г. Бызов // Свободная мысль. – 2019. – № 2. – С. 49–64.

54. Комаровский В. С. Бедность и неравенство в повестке дня современного общества / В. С. Комаровский // Политические коммуникации и публичная политика : концепции, методы, сравнение опыта : материалы XVII Всероссийского научного семинара. – Краснодар : Вика Принт, 2016. – С. 103–106.

55. Зубаревич Н. Пространство России после Крыма и на фоне кризиса / Н. Зубаревич // Pro et contra. – 2014. – Май–август. – С. 118–128.

56. Рогов К. Дрейф на льдине, похожей на Крым / К. Рогов // Новая газета. – 2019. – № 1. – 9 янв.

57. Бызов Л. Г. От расцвета к упадку. Ценностное измерение путинской эпохи (2000–2018) / Л. Г. Бызов // Свободная мысль. – 2019. – № 2. – С. 49–64.

*Воронежский государственный университет
Глухова А. В., доктор политических наук, профессор,
заведующая кафедрой социологии и политологии
E-mail: soc@hist.vsu.ru*

*Сосунов Д. В., кандидат политических наук, доцент
кафедры социологии и политологии
E-mail: den_sosunov@mail.ru*

*Voronezh State University
Glukhova A. V., Doctor of Political Sciences, Professor,
Head of the Sociology and Political Science Department
E-mail: soc@hist.vsu.ru*

*Sosunov D. V., Candidate of Political Sciences, Associate
Professor of the Sociology and Political Science Department
E-mail: den_sosunov@mail.ru*